

Якубовская
29-50-80/191

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

**ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ
В БЕЛАРУСИ
(20–30-е гг. XX в.)**

Хрестоматия

Минск 2008

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

УДК 159.9(076.6)

ББК 88.1я73

И907

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ,
рекомендовано секцией психологических наук
(протокол № 1 от 30.08.07)

Составитель

преподаватель кафедры общей и дифференциальной
психологии БГПУ *И. В. Журавлева*

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор кафедры общей
и детской психологии БГПУ *Л. А. Гандыбович*;
кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики
и психологии БГЭУ *И. И. Зайца*

**История психологии в Беларуси (20–30-е гг. XX в.) : хрестоматия / сост. И. В. Журавлева. – Минск : БГПУ, 2008. – 93 с.
ISBN 978-985-501-537-7.**

В хрестоматии представлены биографические данные и оригинальные статьи философов, психологов, которые стояли у истоков становления психологической науки в Беларуси в начале XX века.

Адресуется студентам и слушателям психологических специальностей БГПУ, а также широкому кругу читателей.

УДК 159.9(076.6)
ББК 88.1я73

ISBN 978-985-501-537-7

© Журавлева И. В., составление, 2008
© БГПУ, 2008

СЕМЁН ЯКОВЛЕВИЧ ВОЛЬФСОН (1894–1941)

Окончил Киевский университет (1919), профессор Белорусского и государственного университета (1921), директор Института философии и права АН БССР (1931–38), с 1936 года академик – секретарь Отделения общественных наук АН БССР. Основные труды: «Г. В. П. теханон» (1924), «Сучасная рэлігійнасць» (1930), «Супраць рававых тэорыяў» (1935). Представляем главу из работы «Экзогамия» (1928).

Экзогамия

Первичной и элементарной формой полового запрета, известной уже самым ранним ступеням первобытности, является запрет *возрастной*. Еще в эпоху существования стадоподобных групп в примитивные орды наши отдаленнейшие предки устанавливали между своими членами различных возрастов какие-то грани, возбранявшие какое-либо общение между ними. Мало-помалу эти грани стали более четкими и привели к возрастной дифференциации тех коллективов, в форме которых существовало первобытное человечество. Эти возрастные классы, олицетворяющие первичную форму полового запрета, совпадали обыкновенно с тремя поколениями – старшим, средним и младшим, между которыми создавалась сексуальная изоляция: половые партнеры могли избирать друг друга лишь в кругу определенного поколения, определенного возрастного класса.

Наряду с этой, изначальной формой полового запрета, первобытность знает и другую, гораздо более сложную форму его, с которой мы Мак-Леннана известную под именем *экзогамии*.

Экзогамия обозначает запрет членам данного первобытного общественного коллектива (орда, племя, клан) вступать в брак с членами того же коллектива. Если дать тому же явлению не негативную, а позитивную формулировку, то оно обозначает, что каждый член такого коллектива должен искать себе брачного контрагента в другом коллективе (здесь встречаются два варианта: или обязанность вступать в брак с членами данного, вполне определенного коллектива, или же право на брак с членом любого коллектива, за исключением своего собственного).

Вместе с экзогамией мы встречаем у первобытных народов и явление обратного порядка – эндогамию, т.е. запрет вступать

в браке или коллектива, к которому принадлежит вступающий (от греч. *endon* — внутри и *gamen* — вступать в брак). Здесь, кстати, таки, мы можем прибегнуть к позитивной формулировке и сказать, что эндогамия обозначает обязанность вступать в брак только с членами того же коллектива, к которому принадлежит вступающий.

Эндогамия представляет собою явление широчайшего распространения: нет почти народа, который не прошел бы через нее на определенных ступенях исторического прошлого, и миллионы людей подчиняются ей по настоящее время. Один исследователь заметил, что лишь перечисление экзогамных племен сопоставимости заняло бы много страниц.

Однако, несмотря на такую широкую распространенность экзогамии и ее исключительную историческую значимость, несмотря на то, что экзогамия является одной из узловых генеомических проблем, без освещения которой остается темным очень многое в эволюции брачно-семейных форм, наука до сих пор лишь описала экзогамию, но оказалась бессильной дать столь необходимое объяснение ее возникновения. Некоторые исследователи, как, например, Эрнст Гроссе, настроены весьма скептически даже к самой возможности отыскать такого рода объяснение, и полагают, что науке придется ограничиваться в этом отношении лишь более или менее остроумными догадками. Мы считаем такого рода скептицизм чрезмерным и полагаем, что при здоровом, критическом анализе огромного, от года к году увеличивающегося этнографического материала в интересующей нас области, решительно разрывая с идеалистическими спекуляциями и систематически учитывая те материальные факторы, которые обусловили экзогамию, наука может еще многое одолеть.

Попытаемся теперь подойти поближе к основным гипотезам происхождения экзогамии. Что толкнуло первобытного человека с его столь необузданными инстинктами наложить на себя уилу экзогамии и заставить его разыскивать брачного партнера не по близости, а вдали от себя?

Сам Мак-Леннан, приковавший внимание науки к экзогамии, объяснял ее с помощью такой логически-спекулятивной догадки, которая уж давно не имеет ценности и упоминать о которой приходится лишь разве в порядке исторической постанов-

ки проблемы. Ключ, с помощью которого Мак-Леннан пытается вскрыть происхождение экзогамии — факт распространения среди первобытных народов умерщвления младенцев женского пола. Так как эти народы часто не в состоянии прокормить себя, то дабы уменьшить численность населения, они прибегают к убийству новорожденных девочек, обусловленному тем, что женщина в то время в хозяйственной жизни играет ничтожную роль, подчас являясь лишь обузой для общества. Таким образом, постепенно образуется нехватка женщин, которая компенсируется двумя путями: полиандрией, т. е. браком одной женщины с несколькими мужчинами и похищением женщин со стороны чужих племен. Брак-похищение со временем становится столь распространенным явлением, что даже у множества цивилизованных народов брачная церемония содержит в себе символические следы похищения. Широкое распространение брака путем похищения до такой степени внедрилось в быт и нравы первобытных народов, что стало общепринятым заключать брак не со своими, а с иноплеменными женщинами. И тогда, когда отпали породившие этот обычай предпосылки, обычай стал уж всеобщим правилом.

Гипотеза Мак-Леннана целиком соткана из допущений, находящихся в противоречии с исторической действительностью. За шестьдесят лет, прошедших с тех пор, как она была сформулирована, против нее было сделано с самых разнообразных сторон множество веских возражений, что она может считаться разрушенной. Я перечислю лишь основные из этих возражений.

1. Мак-Леннан преувеличил значение убийства девочек как массового явления. Женщина на ранних ступенях первобытности часто представляет собою высокополезную хозяйственную единицу (собирательница кореньев, помощница в охоте, походах и т. д.). Экзогамия сплошь и рядом возникает у племен, этого убийства совершенно не практикующих.

2. Убийство девочек, нигде и никогда не носившее *позитивного* характера, не могло резко изменить соотношение между мужской и женской частью населения, так как множество мужчин погибало в военных столкновениях и на охоте. Часто при похищении женщин имеет место и полигиния (многоженство), что опровергает их недостаточность внутри группы.

Д. Экзогамия широко распространена и при матриархате, когда мужчина перекочевывает в клан жены; следовательно, брак похищение и экзогамия отнюдь не являются сопутствующими явлениями.

С) большим внешним успехом претендует на правильность гипотеза Льюиса Моргана и Сомнера Мэна. Гипотеза Морган-Мэна отыскивает корни экзогамии в стремлении противодействовать бракам между лицами, которые связаны между собой кровнородственными узами. Таким образом, детерминировавшей экзогамию предпосылкой объявляется противодействие инбридингу. Экзогамия рассматривается как средство, предупреждающее возможность появления хилого и слабеющего потомства в результате кровосмесительных браков. К экзогамии прибывают, с точки зрения этой гипотезы, такие орды, которые на примере своих эндогамных соседей убедились в пагубном действии кровосмесительных браков, имеющие в результате вырождение орды — появление в ней уродов, слепоты, больных и т. д.

Основным грехом рассматриваемой гипотезы является то, что она приписывает первобытному человеку такую степень наблюдательности и такие логические способности, которые ему были далеко не свойственны.

Ниже мы коснемся того вопроса, насколько верно, что браки близких родственников дают плодовитое и вырождающееся потомство. Но предположим пока, что это бесспорный факт. Так мог ли, спрашивается, первобытный человек — *Homo infans* — относительно которого ведется оживленная дискуссия, понимал ли он даже связь, имеющуюся между зачатием и рождением, подняться на такие вершины синтетических обобщений, с высоты которых можно лишь установить зависимость меж родственными отношениями супругов и сказывающимся иногда через несколько поколений вырождением потомства?..

Я полагаю, что на этот вопрос может быть дан исключительно отрицательный ответ. Ответ положительный обозначал бы установление первобытного человека, с его примитивным, далеким от абстрактного мышления умом, ученому егенисту. Так поступить может лишь человек, одержимый нинескопией т. е. через «культурные очки» современности рассматривающий явления, отделенные от нас неизмеримо большими историческими расстояниями!..

Теперь укажем, что сам факт вредного влияния кровных родственников на потомство отнюдь не является бесспорным и подвергается современной наукой серьезным сомнениям. Многие выдающиеся авторитеты выступают в настоящее время противниками этого взгляда. Чтобы не задерживать долго на этом специальном вопросе, я сошлюсь лишь на взгляды известного немецкого психиатра профессора Освальда Бумке.

Бумке считает, что кровные связи усиливают наследственные тенденции, как хорошие, так и плохие. Суммируя различные задатки сближающихся индивидумов, кровная связь ведет как к вырождению, так и к улучшению вида. «Популярный взгляд на последствия кровных связей», говорит Бумке, весьма значительно отличается от этой точки зрения: в результате браков кровных родственников возникают будто бы всевозможнейшие болезни и уродства, кроме того, моральная и интеллектуальная недостаточность, и довершение всего понижение способности к деторождению... Все это были впечатления и догадки: *научные исследования их не подтвердили*» [1, с. 79].

В подтверждение этого положения Бумке ссылается на работы Шиллер-Тунца, Тейгера, Крауссе, Майе и др. Исследования этих ученых опровергают ходячее мнение о пагубных последствиях кровных браков. Кроме того, Бумке апеллирует к таким общеизвестным историческим фактам, как частые браки между сестрами и братьями среди египетской, персидской и перуанской аристократии.

«В доде Птоломеев, говорит он, на протяжении семи или восьми поколений братья и сестры вступали в брак исключительно между собою, и известная царица Клеопатра была последним отпрыском этого рода. По Lorenz'у у нас нет сведений, чтобы монархи, вышедшие из этих браков, проявили себя, чем-либо ненормальным. А в Перу инки заключали такие браки даже в течение четырнадцати поколений без того, чтобы это привело к каким-нибудь угрожающим или даже просто бросающимся в глаза явлениям... В Европе в большинстве сельских местечек люди связаны друг с другом сто и тысячекратными родственными связями» [1, с. 70]. Общий вывод, к которому Бумке приходит по интересующему нас вопросу, гласит: «бракам между кровными родственниками нельзя приписывать, как таковым, сколько-нибудь значительного влияния на развитие

дегенерации. Если браки братьев и сестер в течение ряда поколений не будут к дегенерации, то отдельные случаи браков между более или менее отдаленными по родству двоюродными братьями и сестрами, конечно, не в состоянии вызвать такого ухудшения вида, которое имело бы значение для всего вида в целом» [1, с. 70].

Итак, отрицательные последствия кровных связей служат еще и ныне предметом серьезной научной дискуссии, но они по-прежнему являются установленным фактом. В крайнем случае, можно говорить о биологической тенденции. Так вот приписать человеку, который вел бродячий, звероподобный образ жизни, уловление этой тенденции – не значит ли это совершать поспешно над фактами?..

Добавлю еще, что эта тенденция должна была проявляться тем слабее, что и в замкнутые орды неминуемо вливалась время от времени «свежая кровь» со стороны, что было результатом частых нападений на орду и сопутствовавших этим нападениям похищений над женщинами...

Как мы, наконец, объясним, выходя экзогамию из противодобротия кровосмесительству тот факт, что она очень часто ограничивается родством по женской линии, но совершенно не касается такового по мужской, и наоборот.

Каутский ссылается на пример индийцев, имеющих право вступить в брак с ближайшей родственницей с отцовской стороны (теткой, двоюродной сестрой и т. д.), но которым возбраняется брак с самыми дальними родственниками по клану матери [1]. То же, по свидетельству Ефименко, имеет место у самоедов. Самоед может жениться на сестре матери, но ему воспрещен брак с сестрой отца. У остяков при экзогамии разрешается, по общему правилу, жениться на племяннице – дочери сестры. Максим Ковалевский показал, что у большинства племен дравидского происхождения экзогамические запреты распространяются только на родство по отцовской линии [4].

У северных бурят и в настоящее время запрещено половое общение лишь между братьями и сестрами и кузенами – первой, второй и третьей степени, только с отцовской стороны.

Число этих примеров можно было бы без труда увеличить, так как они содержатся почти в любой истории брака. О чем же они свидетельствуют?

О том, что экзогамия не была обусловлена пониманием со стороны первобытного человечества отрицательных действий кровнородственных связей. Если бы у него было это понимание, то экзогамический запрет одинаково бы касался родства и по материнской, и по отцовской линии.

Наконец, нельзя забывать, что экзогамический запрет никогда не касается лиц, ни в каком кровном родстве между собой не состоящих, а принадлежащих лишь к одному клану.

На основании всего сказанного, мы имеем право утверждать, что гипотеза Морган-Мэна не выдерживает критической проверки.

Я полагаю необходимым остановиться здесь и на том решении вопроса о происхождении экзогамии, которое предложил недавно Карл Каутский. Это сделано тем более необходимо, что предложенное Каутским решение, в сущности, реставрирует с некоторыми вариациями гипотезу Морган-Мэна, и что оно знаменует собой разрыв с теми взглядами, которые развивал по этому поводу сам Каутский в широко распространенной его работе «Возникновение брака и семьи», написанной еще в 1882 году. В этой работе Каутский устанавливал, что экзогамия, становясь привычкой, постепенно превратилась в инстинкт, который в форме отвращения к кровосмешению сохранился и до нашего времени. Однако так как отвращение к кровосмешению не вложено в человека самой природой, то стали искать для него иные причины. Это постигла та же судьба, которая постигает и каждый рудиментарный инстинкт человека: за ним старались открыть какую-нибудь определенную цель, а раз эта цель найдена, то ей, являемой вторичному и производному от инстинкта, отвели первое место, превратили ее в причину инстинкта. Этот рационалистический прием, исходящий из того предположения, будто на основе всего, что только человек делает, лежит определенное понимание, будто он все свои поступки совершает постоянно с заранее обдуманной целью, — прием этот из отвращения к кровосмешению... сделал такой вывод, что во времена возникновения их, люди обладали характерными для того периода знаниями природы.

В своей обширной, вышедшей в конце 1927 г., работе «Материалистическое понимание истории» Каутский произвел ревизию

тот вид взглядов на экзогамию, которые он развивал сорока пятью годами раньше.

Теперь Каутский отправляется от кровосмешения как исходного пункта для рассмотрения экзогамии. При этом он уделяет особое внимание тому обстоятельству, что замкнутый, в эпоху первобытности, характер человеческого общества значительно повышал вредность кровосмешения. В этой вредности же первобытный человек мог убедиться, наблюдая отрицательные результаты инцеста домашних животных, которых он начал разводить.

Сознавая, однако, всю шаткость своих аргументов к вреду кровосмешения, Каутский пытается выдвинуть некоторые новые доводы, которые, по его мнению, вносят необходимое понимание в вопрос генезиса экзогамии. «Я надеюсь все же, что нашел удовлетворительный ответ благодаря тому, что принял в соображение то обстоятельство, что нередко последствиями кровосмешения выявлялись и последствия скрещивания. Контраст того и другого может так сильно проявиться, что мимо него не мог пройти и первобытный человек, который хотя и был очень наивным и невежественным, но который точно так же, как и животное, во всем, что непосредственно касается его благоденствия, является крайне острым наблюдателем» [3].

Каутский полагает, что первобытному человеку резко бросалась в глаза разница между племенем, в котором брачные союзы заключаются внутри него, и тем, которое эти союзы заключает во вне. В первом, женщины становятся бесплодными или дают малое потомство. Во втором, появляется крепкое и здоровое потомство. Первобытный человек не знает физиологической причины этого явления. Он объясняет его проклятием богов, тяготеющим над браком со «своими» и их благословением по отношению к бракам с чужими. Отсюда запрет первых и поощрение вторых. «Именно потому, что запрет подобных (родственных) связей основывается не на научном воззрении, а на наблюдениях, которые связываются с фантастическими и мистическими представлениями коллектива, он принимает религиозную и этическую форму» [3].

Совершенно очевидно, что Каутский в своих новейших взглядах выступает сторонником теории экзогамии Морган-Мэна, в которую он вносит некоторые коррективы. Коррек-

тивы эти, однако, нисколько не колеблют тех воззрений, которые мы привели выше против мысли о том, что запрещение кровнородственных браков обусловлено их вредом для потомства.

Ведь в самом деле Каутский подменяет логически осмысленное первобытным человеком этого вреда мистическим страхом этого же человека пред кровнородственным браком, дающим вырождающееся потомство. Но ведь для того чтобы этот страх возник, необходимо наличие порождающего его фактора, т. е. факт гибельных последствий инцеста. Между тем, как мы указывали выше, этот-то самый факт и берется современной наукой под вопрос. Следовательно, на нем нельзя базировать тех взглядов, которые развивает в настоящее время Каутский. Каутский предлагает лишь новую вариацию гипотезы Морган-Мэна, но эта вариация имеет те же предпосылки, что и сама гипотеза. Поэтому она обнаруживает свою несостоятельность пред лицом тех же доводов, которые опроверждают эту гипотезу.

Мы считаем, что Каутский был прав тогда, когда протестовал против рационалистических приемов объяснения экзогамии отворачиванием к кровосмешению и приписывания дикарям образа мышления современного культурного человека, а не теперь, когда он заявляет, что дикари и варвары придавали большое значение расовой гигиене.

Не более устойчива по отношению к критической проверке и попытка объяснить возникновение экзогамии, которую, видоизменив гипотезу Морган-Мэна, делает ряд видных социологов, среди которых можно назвать Гелльвальда, Вестермарка, Фрезера и Мюллер-Лизера. Эти исследователи, разобщенные друг от друга в своих генеономических взглядах серьезнейшими разногласиями, совместно защищают, однако, гипотезу, которую можно охарактеризовать как «теорию экзогамического инстинкта».

Для представителей теории экзогамического инстинкта совершенно очевидна несостоятельность гипотезы Морган-Мэна, приписывающей первобытному человеку понимание вреда, который приносят с собой кровнородственные связи. Поэтому они, отстаивая сам факт противодействия первобытного человека кровосмешению, рассматривают противодействие это как результат инстинктивно присущего человеку отвращения к половой близости с лицами, с которыми вместе воспитываешься

и ретрошь. Совместная жизнь оказывает, по выражению Гюльвальда, «притупляющее влияние» (eine abstumpfende Wirkung) на чувственное возбуждение [8]. Вестермарк также апеллирует к инстинкту, который по его выражению «в нормальных условиях делает половую любовь между ближайшими родственниками психологической невозможностью» [9].

Он же утверждает, что «существует врожденное отвращение против половых сношений между лицами, которые совместно жили с ранней юности, и так как в большинстве случаев такие лица находятся в кровном родстве, то это чувство превращается преимущественно в виде отвращения к половым сношениям между близкими родственниками» [9, с. 32]. Той же точки зрения придерживается и Фрезер, для которого отвращение к кровнородственному таятся не в действительном инстинкте, а в чем-то ином — «... в бессознательном подчинении первобытных людей импульсу великих творческих сил, которые в физическом мире возникают из низших форм бытия — в высшем и в духовном мире из первичества — культуру». Любопытно, что к тому же взгляду примыкает и Мюллер-Лиэр, материализм и экономическая система которого в этом пункте уступает место вульгарному идеализму.

Мюллер-Лиэр трактует экзогамию как «всеобщий закон организационного мира». Для него экзогамия возникла в результате врожденного экзогамизма полового инстинкта, который должен рассматриваться не только как вплоть до нашего времени существующий факт, но и... как всеобщий закон размножения органической природы. Эта «слабость к чужим женщинам» повела сначала к примитивной экзогамии..., затем и к примечательным брачным запретам. Все приведенные высказывания отбрасывают нас непосредственно к Платону с его «неписанным законом», предохраняющим красивых сестер от объятий их братьев...

В самом деле, что обозначает апелляция к «экзогамическому инстинкту», как к *ultima ratio* половых запретов? Что этот инстинкт внедрен в душу человеческую, какими-то потусторонними силами, что это, говоря языком Фрезера, «импульс великих творческих сил». Но это обозначало бы отказ от научной аргументации и переход на поповскую точку зрения «искры божьей»... Или же усмотреть в этом инстинкте спасительную преграду природы от пагубных для человечества кровных связей? Но для этого надо было бы раньше всего быть непоколебимо уверенным в биологической гибельности этих связей. Из того же, что

мы говорили, рассматривая гипотезу Моргана-Мэна, ясно, что этой уверенности у нас отнюдь не может быть... О большой проблематичности отрицательных последствий кровно-родственных связей говорили неоднократно и сами сторонники теории «экзогамического инстинкта», тем самым подрубая ступень, на которой они сидят. Против этой же теории выступает и тот выше охарактеризованный факт, что экзогамия, как правило, ведет к половым запретам лишь по линии одностороннего родительства. Ясно, что если бы «экзогамический инстинкт» был бы действительностью, а не фикцией, то он проявлялся бы в отношении всякого родства — безразлично с отцовской или материнской стороны.

Фикцией же заставляют нас считать экзогамический инстинкт и следующие соображения.

Наряду с миллионами почти забывшимися экзогамии, всегда существовали и миллионы, ее не признававшие. Мы выше называли уж египетскую, персидскую и перуанскую аристократию, среди которых были узаконены браки между сестрами и братьями. Можно назвать и множество эндогамических народностей, у которых как правило брачные узы соединяют ближайших родственников. Дитро-Телмон указывает на ряд строго эндогамных негрских племен. Старке сообщает, что половые связи между родителями и детьми, между братьями и сестрами очень часты в Бразилии среди племен, живущих по Амазонке и Рио-Негро, у чукчей, эвентов, у одной отрасли каренов; веддахи ставят брак с младшей сестрой выше всякого иного брачного союза [5].

По сообщению Пешеля, в Египте две трети браков заключаются без всяких видимых дурных последствий между детьми братьев и сестер. Поль Декан среди племен, у которых эндогамия ведет к постоянному кровосмешению, называет негриллов из Огоуйэ и Новой Гвинеи, ковбоев из Высокой Джамбии на Суматре, бушменов из Калагари, дайяков (Борнео), маори, алеутов и веддов.

Интересна реплика, которую Маркс подал в одном своем письме по поводу содержащейся в Вагнеровском тексте Нибелунгов, фразы: «Слыхано ли когда-нибудь, чтобы брат обнимал сестру, как супругу». Маркс считал, что эта фраза искажает первобытность. «В первобытную эпоху, — говорит он, — сестра была женой, и это было нравственно».

Если, вслед за Фрезером и Мюллер-Лиэром, считать экзогамический инстинкт врожденным в человеке, то придется, по-видимому, объявить не подчиняющиеся этому инстинкту миллионы — дефективными. Но на это вряд ли отважится самый решительный сторонник рассматриваемой теории.

Добавлю еще, как характерный штрих, что у многих народов экзогамия распространяется лишь на брачные союзы, но ее запрещающее влияние не касается «случайных» связей, которые вдоволь и рядом широко практикуются внутри какой-либо экзогамной группы, равно и половых сближений во время веселых празднеств и церемоний. Так, например, у пермяков возбраняются браки между всякими родственниками, но и самое близкое родство не составляет препятствия для заключения любовных связей.

Соплещусь также и на свидетельство лица, которое произвело относительно недавно — уже в период мировой войны — тщательное исследование общественных форм чешского племени банаро, обитающего на севере Новой Гвинеи, и изложившего результаты своих наблюдений в специальной монографии «Община банаро» (1921).

Подводя итоги всему сказанному, насчет теории экзогамического инстинкта, мы видим, что у нас не больше данных признать ее правоту, нежели мы это можем сделать в отношении других разобранных выше гипотез.

Перейдем теперь к тому объяснению, которое дает возникновению экзогамии иксос Эдмунда Фрейда.

Защищаемая Фрейдом гипотеза не может быть признана оригинальной. Глава психоаналитической школы, в сущности, восстанавливает с некоторым специфическим привеском ту теорию происхождения экзогамии, которую пытались в свое время обосновать Алгинсон и Лэнг и с которой удачно полемизировал еще М. М. Ковалевский.

Известные авторы искали объяснения экзогамии в том, что тиранический глава орды, дабы монополизировать за собою владение всеми молодыми женщинами орды, насильно удалял за ее пределы всю мужскую молодежь. Последняя вынуждена была добывать себе женщин извне, со стороны. Но мало-по-малу, движимая чувством ревности половозрелая мужская молодежь восстает против отца-тирана и убивает его. Это убийство в свою оче-

редь ведет к распрям между становящимися сексуальными конкурентами братьями-победителями, что грозит распадом орды. Процесс распада, однако, приостанавливается в результате вмешательства женщин, добывающихся компромиссом поколениями – сыновей оставляют в орде, но, отказываясь от близости с матерью и сестрами, обязуются не посягать на сексуальную монополию отца.

Посмотрим теперь, как излагает эту же теорию Фрейд. Отправной точкой его генеономического анализа служит Дарвинова первичная орда. «Здесь только жестокий ревнивый отец, берегающий для себя всех самок и загоняющий подрастающих сыновей, и ничего больше... В один прекрасный день изгнанные братья соединились, убили и съели отца и положили конец отцовской орде. Они сообща совершили то, что было бы невозможно каждому в отдельности... Жестокий праотец был, несомненно, образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев. В акте поедания они осуществляют отождествление с ним, каждый из них усвоил себе часть его силы... Они ненавидели отца, который являлся таким большим препятствием на пути удовлетворения их стремления к власти и их сексуальных влечений, но в то же время они любили его и восхищались им. Устранив его, утолив свою ненависть и осуществив свое желание отомститься с ним, они должны были попасть во власть утратившихся нежных душевных движений. Это приняло форму раскаяния... То, чему он прежде мешал своим существованием, они сами себе теперь запрещали, попав в психическое состояние хорошо известного нам из психоанализа «последнего послушания» (nachträglicher Gehorsam), они отменили поступок... и отказались от его плодов, отказавшись от освобожденных женщин».

Такова изложенная отрывками из самого Фрейда его теория возникновения экзогамии. Уточняя эту теорию, он ссылается также на ее практическое основание. Это основание Фрейд видит в том, что, будучи союзниками, в совместной борьбе с отцом, братья в то же время оставались соперниками по отношению к женщинам. Их взаимная борьба была неминуемой и должна была принести гибель новой организации. «Таким образом, братьям, если они хотели жить вместе, не оставалось ничего другого, как быть может, преодолеть сильные беспорядки, устано-

...инсцезуозный (т. е. кровосмесительный – С. В.) запрет, благодаря которому все они одновременно отказались от желаний женщин, ради которых, прежде всего и устранили отца» [4, с. 130].

Как мы видим, развиваемая Фрейдом точка зрения восстанавливает теорию Аткинсона-Ленга, придавая ей общую психоаналитическую устремленность...

Предположим, что действительно молодые мужчины вследствие овладения патриархом всеми женщинами орды, должны были добывать женщин извне.

Ковалевский подчеркивал также, что «условия первобытной борьбы с животными и людьми не допускают возможности изолированной жизни или добровольного устранения с аршином и нередко стариком всех сыновей, достигших половой зрелости и способных быть ратниками. С другой стороны, имеются свидетельства, позволяющие сомневаться в том, чтобы при кратковременности союзов, какой отличается первобытное общество, чувство ревности сказывалось с особенной энергией» [4, с. 127]. Позднее указание Ковалевского находит себе подтверждение в многочисленных сексуальных обрядах первобытности, вроде «утопления» гостя женой и, наконец, широко распространенной полиандрии. Сексуальное противостояние ревнивого отца с сыновьями Фрейд, вслед за Аткинсоном, изображает по аналогии с тем, что происходит в табунных диках лошадей и быков, где иногда имеет место убийство ревнивого-отца. Но такого рода вульгарное «зоологирование» общественной жизни первобытного человека, не обладающая никакой научной убедительностью, доказывает лишь, что допускающий его, плохо разбирается в специфических особенностях исторической жизни людей, обуславливающих необходимый при анализе человеческой истории, скачок от зоологии к социологии, «от Дарвина к Марксу».

Еще в «Происхождении семьи, собственности и государства» Энгельс разоблачал истинную цену попыток на основе механистически осуществляемых «зоологических уподоблений» объяснять родовые отношения первобытного человечества. «Из тех условий, в которых сейчас живут человекообразные обезьяны, переход к человеческому состоянию был бы прямо необъясним; эти обезьяны производят скорее впечатление сбившихся с пути боковых ответвлений, обреченных на постепенное вымирание и, во

всяком случае, клонящихся к упадку. Одного этого достаточно, чтобы отказаться от параллели между формами семьи у нас и первобытных людей. *Взаимная же терпимость в дослых самцов, отсутствие ревности, была первым условием для образования таких крупных и прочных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека* [6, с. 25].

Для того чтобы покончить с гипотезой Фрейда о происхождении экзогамии, добавлю еще, что ее основным грехом, как и всех, впрочем, генеономических взглядов этого виднейшего теоретика психоанализа, является игнорирование им социальной детерминированности половых отношений, «десоциализация» их, по правильному выражению Бьюковского [2].

На какие же размышления вводит нас сделанный разбор генеономических течений по вопросу о происхождении экзогамии. Мне думается, что из проведенного разбора можно убедиться в том, что ни обращение к физиологическому фактору, ни апелляция к врожденным инстинктам, ни психоаналитическая трактовка инцестуозного запрета не дают искомого объяснения. Это объяснение находится за очерченными выше пределами. Мы должны попытаться осмыслить генезис экзогамии в свете социально-экономических предпосылок.

Некоторые исследователи экзогамии уже давно заговаривали о социальной-экономической детерминированности экзогамии. Мы встречаемся у Тейлора и у Поста с мыслью о том, что экзогамия явилась средством достигнуть солидарности между разрозненными группами и упрочить их взаимоотношения.

Тем, что в орду переселялся мужчина со стороны, мощь этой орды возрастала, увеличивалась ее рабочая сила, налаживались дружественные отношения с соседними ордами, к которым протягивались, таким образом, нити «свойства». Соединенные друг с другом брачными узами своих членов, орды превращаются в союзников, и тем самым экзогамия становилась фактором объединения, давала толчок к образованию более широких группировок. Косвенным доказательством тому, что экзогамия преследовала цель завязывания дружественных межродовых отношений, служит упоминавшийся уже выше факт частого запрета браков внутри орды, при фактической легализации *кратковременных половых связей* в ее же пределах. Это обстоятельство по-

считает, что орде не было дела до способов удовлетворения сексуальных потребностей своих членов, но что она старалась использовать это удовлетворение в целях увеличения своей мощи и налаживания дружественных отношений с соседями. И поэтому экзогамия, как правило, возникает чаще всего там, где есть наибольшая нужда в межгрупповых объединениях, в их взаимной поддержке, в совместной борьбе со стихиями природы, с индейцами и враждебными племенами, одним словом, там, где налицо хозяйственная заинтересованность в ней.

Так, если мы возьмем для примера одно из основных австралийских племен — аранда или арунта, то мы увидим, что оно разделяется на юге на четыре и на севере на восемь брачных классов: каждый из членов данного брачного класса может вступить в брак лишь с членами какого-нибудь другого определенного класса.

Здесь совершенно явственно сказывается стремление сблизиться и поддерживать дружественные отношения со строго определенной группой.

Наоборот, там, где живут разобщенно в силу природных условий, — на островах и в местностях, отделенных друг от друга лесами или реками, там находит себе почву эндогамия.

Она вытекает из привычки, образующейся вследствие вынужденной замкнутости орды, того, что ее члены поставлены в необходимость вступать в брачные отношения лишь друг с другом. Здесь, как и везде, привычка постепенно освящается, становится правилом, вызывает запреты поступать иначе. Таковы предпосылки эндогамии у называемых Поль Деканом кайугтов и некоторых других групп, живущих в области Амазонки, у негриллов Огундэ и Фелланд Вац, у бушменов Калзгари, у дайяков, у минкоплев, у маори, у каров из Бирмы и многих других первобытных народов.

Плуты заметим, что эндогамия имеет иногда и предпосылки иного порядка: желания сохранить неприкосновенным облик племени или группы, предохранить ее от постороннего влияния, от «чуждой крови». Таковой является кастовая эндогамия, классические образцы которой находим в Индии. Тем же желанием предиктованы, по-видимому, и эндогамные обычаи персидской, египетской и перуанской аристократии, которых мы уже касались выше. То же можно сказать относительно некоторых современных племен Британской Колумбии и Центральной Африки.

Наконец, не той же ли «эндогамической тенденцией» руководился небезызвестный профессор Томсен, когда он выступил в сентябре 1927 года в Берлине Международном генетическом конгрессе с предложением создать особые «биологические ядра» для выведения племенных «музыкантов, ученых, атлетов и т. п.» путем создания специальных, территориально-замкнутых колоний?!

Но вернемся к экзогамии. Женщина нужна австралийцам не только как сексуальный объект, но и как помощница в кочевьи, которая тащит за своим господином домашний скерб и собирает корни, ягоды, червей и т. д. Для этой роли, в силу изложенных причин, чужая женщина удобнее женщины из своей собственной орды.

Таким образом, постепенно внедряется в сознание мужчины уверенность в том, что владение «чужой» женщиной гораздо удобнее, нежели своей. Эта уверенность со временем и создает привычку вступления в брак с женщиной извне, а привычка переходит в правило.

В конце концов, это всеми признаваемое правило ведет к запрету заключать браки между членами одной и той же орды, людьми которых «tau wil yerr» т. е. «одного мяса, одной плоти».

Таковы моменты, говорящие о социально-экономической детерминированности экзогамии.

Было бы неосторожным утверждать, что эта детерминированность уже в достаточной степени изучена нами: нет, наука только начинает «прощупывать» ее. Но все же, можно уже с уверенностью сказать, что поскольку генеомии удастся вскрыть те движительные причины социальной первобытности, которые призвали к жизни экзогамическую организацию, она этого добьется на пути уловления социально-экономической целесообразности экзогамии.

Экзогамия увеличивала рабочую силу орды, и это было целесообразно.

Экзогамия протягивала нити содружества к соседним ордам — это было целесообразно. Все эти рассуждения ведутся на твердой почве исторического факта.

И потому это — путь материалистической генеомии.

В заключение я бы хотел отметить, что нельзя прямолинейно противопоставлять друг другу экзогамию и эндогамию, а надо

существовать, что в исторической действительности они иногда выступают в своеобразном сплетении, характеризующем сексуальную форму первобытности. При этом сплетении данная группа эндогамна во вне, но экзогамна внутри. Это значит, что эндогамна как таковая, лишенная право заключать брак за своими собственными пределами, группа в то же время разбивается на подгруппы, экзогамные по отношению друг к другу.

Образцом такого рода эндо- и экзогамных отношений могут служить различные индусские касты, которым запрещается заключать брачные отношения во вне.

Касты эти часто бывают разделены на подкасты, каждая из которых также строго эндогамна. Подкасты, в свою очередь, делятся на кланы и готры. Член же каждой готры может вступать в брак лишь с лицом, принадлежащим к другой готре того же клана. На лицо, таким образом, яркое проявление сплетения эндо- и экзогамного принципов...

Литература

1. Бумке О. Культура и вырождение. М. 1926.
2. Быховский Б.Э. Генеономические воззрения Фрейда // Под знаменем марксизма. 1926. № 9.
3. Кнутский К. Возникновение брака и семьи. П., 1923.
4. Ковалевский М.М. Родовой быт. СПб., 1905.
5. Старке К.Н. Первобытная семья, ее возникновение и развитие. СПб., 1901.
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, собственности и государства. М., 1922.
7. Hottwald. Geschlidi der menschlichen Familie. Leipzig, 1889.
8. Rd. Westermarck Gi'Still iU' om m'nschlichen Ehe. Vcl. Barsdorf Berlin, 1902. S. 319.

Содержание

Предисловие	3
Бернард Эммануилович Быховский (1898–1980)	4
Метапсихология Фрейда	4
Семён Яковлевич Вольфсон (1894–1941)	28
Экзогамия	28
Александр Александрович Гайворовский	46
Специальные проблемы психотехники политпросветработы	46
Владимир Николаевич Ивановский (1867–1939)	82
Программа по курсу «Психология» для педагогического факультета БГУ на 1923–24 учебный год	82
Павел Яковлевич Панкевич (1895–1938)	85
Педагогические идеи Н. А. Добролюбова	85